

речевой деятельности с опорой на зрительно-слуховые образы как источник семантизации иноязычного материала.

Список литературы

1. Глухов Б. А. Термины методики преподавания русского языка как иностранного / Б. А. Глухов, А. Н. Щукин. – М. : Рус.яз., 1993. – 371 с.
2. Крючкова Л. С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб.пособие / Л. С. Крючкова, Н. В. Мошинская. – 5-е изд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 480 с.
3. Методическое пособие к дистанционному курсу повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного: в 2-х частях : Часть 1 : Методика преподавания русского языка как иностранного / под ред. Э. Г. Азимова. – М. : МАКС Пресс, 2004. – 268 с.
4. Проектная технология обучения.URL : <http://student39.ru/lector/proektnaya-tehnologiya/>(дата обращения – 15.03.2015 г.).

И. В. Родина
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ: ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ (МАТЕРИАЛЫ ЛЕКЦИЙ)

Аннотация: статья предлагает материалы лекций по лингвокультурологии в курсе русского языка как иностранного, содержащие анализ синтаксической семантики пассивных и односоставных глагольных конструкций в русском языке с точки зрения отражения в них некоторых черт русского национального менталитета, свойственных, в силу определенного исторического развития, восточному типу общественного сознания.

Ключевые слова: лингвокультурология, русский язык как иностранный, национальный менталитет и психология, восточный тип общественного сознания, семантический синтаксис, пассивные кон-

струкции, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивные предложения.

CULTURAL LINGUISTIC ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: REFLECTION OF SOME NATIONAL MENTALITY FEATURES IN RUSSIAN GRAMMAR (LECTURE MATERIAL)

Abstract: the article offers materials for lectures on cultural linguistics for study course of Russian as a foreign language, containing syntax semantic analysis of passive and one-compound verb constructions in the Russian language from the perspective of reflection in them of some features of Russian national mentality peculiar, because of a certain historical development, to the eastern type of social consciousness.

Key words: Cultural linguistics, Russian as a Foreign Language, national mentality and psychology, eastern type of social consciousness, syntax semantics, passive constructions, indefinite-personal sentence, generalized-personal sentence, impersonal sentence, infinitival-impersonal sentence.

В преподавании иностранного языка чрезвычайно важно ознакомить учащихся не только с особенностями форм языковых единиц, но и показать связь между исторически сложившимися языковыми формами и национальной культурой.

Естественные языки способны отражать особенности национального менталитета и национальной психологии, то есть свойственные данной этнической общности стиль жизни, культуры, а также присущую данной нации систему ценностей, взглядов, мировоззрения, черт характера, норм поведения [Этнопсихологический словарь, 1999: 198], не только на лексическом уровне (в лексической семантике, особенностях словообразовательных моделей и т. п.), но и на уровне синтаксиса, а именно благодаря особенностям структуры синтаксических конструкций, стандартных моделей предложений и высказываний, употребляемых в стандартных коммуникативных ситуациях.

Частотные фразы, употребляемые в стандартных речевых ситуациях в русском языке, имеют яркие особенности синтаксической структуры, отличающие их от структуры аналогичных по значению фраз в некоторых европейских языках, в частности, в английском.

Так, коммуникативные ситуации знакомства и сообщения основных сведений о себе и своем самочувствии имеют принципиально разную синтаксическую структуру в русском и английском языках. Сравните:

English	Русский язык
<i>My name is John</i>	<i>Меня зовут Иван</i>
<i>I am twenty</i>	<i>Мне двадцать лет</i>
<i>I have a house</i>	<i>У меня есть дом</i>
<i>I am well</i>	<i>У меня все хорошо</i>
<i>I like this film</i>	<i>Мне нравится этот фильм</i>
<i>I am cold</i>	<i>Мне холодно</i>

Практически для всех предложений английского языка в этих коммуникативных ситуациях характерна «прямая» конструкция, предполагающая соответствие логических субъекта и объекта грамматическим субъекту и объекту, то есть значение логического субъекта/агента действия выражается словом в грамматической позиции субъекта, аналогично выражается значение логического объекта. Речь идет о человеке, носителе определенных качеств, и слово, обозначающее этого человека, является грамматическим субъектом. В конструкциях, выражающих взаимодействие логического субъекта с логическим объектом, слово со значением объекта действия также является грамматическим объектом в структуре предложения.

Абсолютно иная картина в русском языке. Предложения, соответствующие коммуникативной ситуации знакомства и сообщения основных сведений о себе, практически никогда не выражаются прямыми конструкциями. Мы видим разнообразие иных грамматических форм: это конструкции пассивные (*Мне двадцать лет; Мне нравится этот фильм; и т. п.*), односоставные неопределенно-личные (*Меня зовут Иван*) или безличные (*Мне хорошо/плохо/тепло/холодно – и т. п.*), в которых логический субъект выражается грамматическими формами косвенных дополнений.

На наш взгляд, причина появления и активного распространения в русском языке конструкций с непрямым выражением логического субъек-

екта тесно связана с историей русской культуры и формированием национального менталитета в конкретных условиях исторического развития.

Можно выделить два основных культурно-исторических фактора, несомненно, имевших прямое влияние на формирование русской национальной психологии: общинный уклад хозяйства и принятие христианства в его православной форме.

1. Общинный уклад хозяйства предполагал (среди других его особенностей), коллективную собственность принадлежащих общине (*миру/верви*) как территориально-общинной организации земли, которую она периодически распределяла между семьями – членами общины, лесов, вод, а также коллективную ответственность членов общины перед властью феодала и законом. *Мир* платил дань и налоги, предварительно собирая доли с членов общины, вся община отвечала за провинности и преступления отдельных ее членов. Если на территории общины находили труп, община должна была заплатить штраф или найти и выдать убийцу. Общинный уклад, по мнению историков, вел, с одной стороны, к усилению и монополизации власти князем, который, будучи получателем дани и налогов, начинал постепенно восприниматься как главный верховный собственник имущества общины, и, как следствие, – к отсутствию развития реального института частной собственности. С другой стороны, это вело к появлению такого понятия, как *круговая порука*, также отраженного в языке на уровне лексической семантики. Постепенно значение фразеологизма *круговая порука* приобрело значение: 1) коллективная ответственность всех членов какой-либо группы людей за действия этой группы в целом или отдельных ее членов; 2) взаимное укрывательство. Несмотря на то, что значение *взаимное укрывательство* академический «Словарь русского языка» предлагает как второе, то есть неосновное, значение, фразеологизм явно обрел в языке негативную коннотацию: в массовом восприятии он означает «невозможность найти реально виновного человека в силу групповой или преступной солидарности». Историки отмечают, что «тысячелетнее существование в России общины, ее главенствующая роль в жизни русского населения являлись фактором, кардинально отличающим весь

уклад жизни россиян от западной традиции» [Чистяков, 2006: 89], с ее частной собственностью и личной ответственностью членов общества.

2. Вторым важным фактором формирования русской культуры явилось принятие христианства в его восточном – православном – варианте.

Во-первых, Россия, принявшая христианство от Византии, по утверждению протопресвитера Иоанна Мейендорфа – известного деятеля Русской Православной Зарубежной Церкви, – «в отличие от Запада, вместе с христианством не впитала в себя классическую цивилизацию» в силу отсутствия насущной потребности в изучении классических языков. «...западный средневековый ученый, знавший латынь, читал бы не только христианские сочинения, но также Цицерона, Августина и, наконец, Аристотеля. Вместо этого в распоряжении русского книжника будут только тексты, переведенные с греческого и прошедшие через Церковь, т. е. литургические, агиографические материалы... поэтому от греков русские получили не эллинистическую цивилизацию, а христианскую религию [Мейендорф, 2003: 85–86].

Во-вторых, разница между восточным вариантом христианства – православием – и западными его воплощениями – католицизмом и затем протестантизмом – проявляется, кроме догматов, и в духовном восприятии окружающего мира и человека в нем. в православии, в отличие от западных ветвей христианства, еще со времен Византии возобладали мистические учения, которые привели к пониманию смиренного созерцания как идеальной жизненной позиции настоящего христианина, стремящегося не переделать мир, а в работе над своей душой усмирить себя, свои желания, даже стремление к счастью, в осознании, что страдание на земле и есть тот духовный подвиг, который откроет для человека врата в небесный рай. [Хачатурян, 1999]

Известный византийский мистик Симеон Новый Богослов в X–XI вв. (времени схизмы – раскола между католической и православной церковью, произошедшей окончательно в 1054 г.) описал процесс соединения с Богом через самоуглубление, когда человек в самом себе обретает Божественное начало. «Мистический идеал весьма далек от земной деятельности, от социальной активности... мистик заботится

прежде всего о собственном спасении, внешняя жизнь для него – своего рода помеха освобождению от всего земного и греховного» [Хачатурян, 1999]. Утверждение исихазма (стремления к умиротворенному созерцанию) в византийском богословии, в отличие от Европы, взяло верх над рационалистическим течением, пытавшимся примирить веру и разум, допуская развитие естественных наук для изучения созданного Богом окружающего мира. В своих проповедях современные православные богословы подчеркивают разницу между сложившимся в веках отношением человека к себе и миру в православии и в западных ветвях христианства, которая заключается в том, что, по их мнению, православный «смотрит на христианство, как на **вечный** устой истинной жизни и требует от каждого принуждать себя до тех пор, пока жизнь его не войдет в эту норму, ...требует нравственного героизма, подвига.... Человек призван к загробной вечности, с которой собственно и начнется истинная жизнь». Западный же христианин... смотрит на основы современной культурной жизни как на факт непоколебимый, и ... высматривает, что бы из христианства годилось нам в нашем теперешнем жизненном устройстве. Для западного христианина учение о будущей жизни – возвышенная и облагораживающая идея, которая помогает нам лучше устраивать здешнюю жизнь» [Храповицкий, 2014]. По мнению православных теологов, «православная вера есть вера аскетическая», потому что «нравственное совершенство достигается путем напряженной работы над собой, внутренней борьбой, лишениями, самоуничтожением (смирением)» [Храповицкий, 2014].

Православие, как и другие христианские конфессии, в своих догматах апеллирует к перечню общих для христианства семи основных добродетелей и семи основных грехов (представление о них в IV веке систематизировал в *октаде* египетский монах Евагрий Понтик и развили в *гентаде* в V в. Монах Иоанн Кассиан и в VII в. Папа Григорий Великий), среди которых главным грехом называется *гордыня* (*Superbia*), а главной добродетелью – *смирение* (*Humilitas*). Но именно в православии названные качества сохранили особое место главной добродетели и главного смертного греха, в то время как в развитии западной христи-

анской традиции, особенно в протестантизме, все большее значение придается такой добродетели как *любовь, милосердие (Caritas)*, а Папы Римские в качестве своей нравственной опоры часто выбирают *мудрость, благоразумие (Prudentia)* и *силу, мужество (Fortitudo)*.

Принятие православного христианства на Руси в X веке с его моральными ценностями привело к такому своеобразному явлению в русском искусстве, как принцип анонимности, который существовал вплоть до середины XVIII века: в отличие от западной традиции, авторство художников, архитекторов, скульпторов, композиторов, писателей и поэтов не открывалось, так как оглашение имени автора, прославляющего в своих произведениях прежде всего главного творца – Бога – противоречило основной добродетели – смирению – и, напротив, ощущалось близким к гордыне – главному смертному греху, заставляющему человека ощущать себя творцом. Таким образом, история русского искусства на протяжении почти восьми веков сохранила лишь единицы имен авторов художественных произведений.

Оба описанных выше фактора отличают историческое развитие России от развития западноевропейских стран и сближают ее с восточными культурными традициями, для которых человеческая личность не является самостоятельной ценностью, где человек ощущает себя лишь крохотной частью большого социального субъекта. Отсутствие частной собственности и личной ответственности приводит к отсутствию личной свободы, которая в свою очередь предполагала бы личную ответственность за совершаемое человеком. Моральное осуждение противопоставления личного мнения мнению власть имущего, чье мнение, по определению, должно разделять общество, приводит отдельного человека к осознанию ничтожности своей социальной роли.

Черты национальной психологии и национального менталитета, сформировавшихся в этих культурно-исторических условиях, безусловно, находят свое отражение в национальном языке, причем не только на уровне лексической семантики, но и на уровне грамматической структуры предложения.

Можно выделить несколько типов конструкций в русском синтаксисе, явно отражающих черты национального менталитета: это пассивные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивные конструкции. Можно с уверенностью говорить о том, что семантика этих конструкций вне зависимости от значения конкретного предложения включает в себя значения:

- 1) отсутствие (или стремление избежать) личной ответственности за действие или состояние логического субъекта;
- 2) наличие людей или обстоятельств, которые сильнее отдельного человека, сильнее говорящего.

Конечно, первое и главное, что способствует выражению заданного смысла в этих конструкциях, – особая позиция субъекта как агента действия или состояния. В названных конструкциях глагольных односоставных предложений позиция грамматического субъекта отсутствует, а в пассивных конструкциях она есть, но значение слова в этой позиции не совпадает со значением логического субъекта.

В пассивных конструкциях грамматический субъект выражает значение логического объекта, в то время как грамматический объект – это и есть логический субъект:

Так, в конструкциях с глаголом «нравиться» грамматическим субъектом всегда будет привлекающий логического агента объект, сила влияния которого на логического агента действия, видимо, настолько велика, что тот не может противостоять ей. В конструкциях с сообщением возраста человека или предмета в позиции грамматического субъекта оказывается лексема со значением возраста, который дан человеку или предмету (позиция логического субъекта всегда будет выражена словом в дательном падеже) свыше, и человек над ним не властен.

Особенно ярко стремление к общению при помощи пассивных конструкций проявляется в официальной речи, где часто стремление подчеркнуть отсутствие личной ответственности говорящего переходит из имплицитного плана в эксплицитный:

Этот вопрос не поднимался на собрании (членами правления, председателем) ...

Перед представителями подрядной организации возникла внезапная проблема.

Заявление было написано истцом.

В таких конструкциях позиция логического субъекта может выражаться не только грамматическим объектом, но и членами предложения с определительным или обстоятельственным значением:

Проблема обсуждалась на заседании

Приказ из отдела кадров по какой-то причине не дошел до бухгалтерии.

Вопрос о создании института был принят наверху.

Интересно появление, особенно в официально-деловой речи, разновидностей пассивных конструкций, в которых вообще отсутствует позиция члена предложения, выражающего логический субъект:

Решение так и не было найдено.

Возникает вопрос о правомерности подобных действий.

Приказ ректора должен быть доведен до преподавателей и сотрудников университета.

План расхода средств был одобрен на собрании работников коллектива.

Нами было получено задание сократить количество работников на нашем предприятии.

Особенностью всех этих канцелярских конструкций является семантический феномен одушевления неодушевленных объектов и участников действия: сам официально-деловой (канцелярский) процесс абсолютизируется и становится самостоятельным субъектом, выполняющим те или иные действия, значение участия в процессе человека выхолащивается до полного отсутствия.

Односоставные глагольные предложения, представляющие собой чрезвычайно многочисленный класс в русском языке, не имеют позиции грамматического субъекта, что дает возможность говорящему уйти от выражения позиции логического субъекта прямыми средствами. Разнообразие возможных форм структуры односоставных предло-

жений говорит о востребованности в коммуникативных ситуациях синтаксической семантики, реализуемых этими конструкциями.

В неопределенно-личных предложениях отсутствует, но подразумевается незамещенная позиция грамматического субъекта, соответствующего форме 3 лица множественного числа. Значение подразумеваемого логического субъекта в этих предложениях всегда имеет сему «человек», то есть предполагается, что какие-то люди выполняют действие, выражаемое предикатом, но эти люди не называются, так как внимание обращается на действие, а исполнитель воспринимается как некая объективная сила, наделенная функцией выполнения действия:

Дороги к нашему поселку зимой не чистят.

Его позвали на собеседование в среду.

Особое значение возникает, если под субъектом действия подразумевают власти, то есть людей, наделенных властью. Их решение не обсуждается и не подлежит пересмотру. Целью использования неопределенно-личной конструкции являются:

- явное или неявное стремление говорящего «спрятаться» за авторитетом власти:

*Нам **приказали** сделать так, мы и сделали.*

Меня пригласили сюда как эксперта.

Нам спустили разнарядку из главка.

Нам выдали дорожную карту сокращений ППС на этот год.

- выражение невозможности оспорить решение или действие или как-то влиять на него:

Решение приняли в верхах.

Его назначили директором.

Его уволили. Его заставили уйти. Его попросили написать заявление по собственному желанию.

Именно эта конструкция использована в ироническом устойчивом выражении «его ушли» с целью подчеркнуть вынужденность ухода человека с работы или занимаемого места не по его воле, а по желанию начальника.

Обобщенно-личные конструкции подразумевают формально отсутствующую грамматическую позицию субъекта, соответствующую либо форме 3 лица множественного числа (*все люди*), либо форме 2 лица единственного числа (*ты*). Общее значение обобщенно-личных конструкций: все люди делают одно и то же действие или испытывают одно и то же состояние в одинаковых обстоятельствах. Можно выделить две семантические модели этих конструкций, соответствующие двум формам подразумеваемого грамматического субъекта.

В конструкциях с подразумеваемым грамматическим субъектом «*все (люди)*» можно выявить следующее значение: русский человек отождествляет себя с остальными людьми нации, он чувствует себя частью этого общества, о недостатках и достоинствах общества он говорит, как о своих собственных, хотя сам он может быть другим.

У нас критику не любят.

В России вообще не умеют хорошо работать.

Сейчас книг не читают и не умеют грамотно писать.

В конструкциях с подразумеваемым грамматическим субъектом «*ты*» человек говорит о себе, но во втором лице, чтобы подчеркнуть, что любой другой человек на его месте будет делать или испытывать то же самое. Часто эта форма служит осознанной или бессознательной цели оправдания собственных ошибочных действий или решений.

Пока не крикнешь, никто тебя не послушает.

В такой ситуации не знаешь, что и делать.

А куда пойдешь, в суд? и в суде никому ничего не докажешь.

Когда столько школьных работ в день читаешь, конечно, ошибки уже не видишь, пропускаешь их.

Безличные конструкции занимают особое место в языке. В них нет и не может быть позиции грамматического субъекта, значение логического субъекта выражается формами косвенных падежей – творительного, дательного. На их востребованность в коммуникативных ситуациях указывает, во-первых, их высокая частотность в речи и, во-вторых, разнообразие грамматических форм выражения предиката в них (безличная форма глагола, слово категории состояния, инфинитив

и различные сочетания перечисленных форм). Безличные конструкции являются самыми многочисленными конструкциями с непрямым выражением логического субъекта в русском языке.

Значение безличных конструкций является объектом многочисленных исследований, при этом отмечается, что «в категории безличности проявляет себя концептуальная (когнитивная), а не чисто формальная специфика русского языка» [Арутюнова, 1999: 794], что «безличные предложения являют собой национально специфичную черту русской грамматики, в которой отражается своеобразие национального характера русского народа» [Барамыгина, 2015].

На основное значение безличных конструкций – наличие стихийной силы, не подвластной воле человека, неконтролируемость – не раз указывали исследователи [Золотова, 1982; Захарова, 2004].

Семантика безличных предложений содержит представление об описываемом действии или состоянии как неконтролируемом со стороны наблюдателя или носителя состояния, то есть человек не может влиять на то, что происходит; человек – жертва обстоятельств, песчинка в руках судьбы и высших сил. Выражая мысль безличными конструкциями, говорящий вкладывает в высказывание дополнительные смыслы, которые адекватно воспринимаются носителем языка, но практически непереводимы на другие языки, в частности английский, посредством аналогичных грамматических и лексических средств.

В предложениях с безличной формой глагола в роли предиката, например, *Мне хочется есть. Мне не хочется спать. Мне не удастся сдать экзамен. У меня не получается правильно. Мне придется уехать в Москву* и др. – несмотря на то, что в них описываются субъективные ощущения говорящего, подразумеваются дополнительные значения:

Мне хочется есть. = Значение предложения содержит дополнительные смыслы и может быть передано как «Голод как объективное обстоятельство меня мучит».

Мне не хочется спать. = Сон (как объективно существующая потребность человеческого организма) не идет ко мне.

Мне не удастся сдать экзамен. = Трудность экзамена как объективное обстоятельство не позволит мне сдать экзамен, хотя я со своей стороны прикладываю усилия.

У меня не получается правильно. = Трудность действия не дает мне делать его правильно, хотя я стараюсь.

Очень интересны с точки зрения дополнительной пресуппозиции, передаваемой ими, безличные глаголы. Значение конструкций с ними также содержат яркую ссылку на обстоятельства непреодолимой силы для человека:

Мне придется уехать в Москву на неделю. = Обстоятельства заставляют меня ехать в Москву, хотя я сам, вполне вероятно, не хочу ехать.

У меня не получилось тебе позвонить. = Обстоятельства не позволили мне позвонить тебе, несмотря на то, что сам я хотел это сделать.

Мне хорошо работалось сегодня. = Что-то было в окружающей атмосфере, что позволило мне хорошо работать сегодня.

И, напротив:

Мне не работалось сегодня = Что-то было такое в окружающей атмосфере, что не позволило мне хорошо работать.

В обоих случаях говорящим предполагается указание на причину хорошего или дурного качества своей работы в объективных обстоятельствах, не зависящих от него.

Безличные предложения имеют широкое распространение в русской канцелярской речи, так как семантика безличных предложений наиболее удобна для выражения значений «обезличенных» процессов, происходящих как бы самостоятельно, без воли конкретных людей. В безличных формулировках официально-деловой речи очень легко «спрятать» значение личной ответственности за действия и решения.

Представляется важным обозначить эти схемы в положении о департаменте.

Для принятия положительного решения является крайне необходимым заручиться поддержкой вышестоящей инстанции.

Конструкции с предикатом – модальным глаголом или словом категории состояния (*следует/не следует, запрещается, разрешается, нужно, можно, нельзя, запрещено, разрешено* и т. п.) имеют дополнительное значение ссылки на высший источник, на непререкаемый авторитет и невозможность обойти кем-то установленное правило или указание:

Директорам институтов и заведующим выпускающими кафедрами необходимо обеспечить прием государственного экзамена по направлению (специальности).

Вам не следует напрямую обращаться к ректору «через голову» директора института.

Инфинитивные конструкции в русском языке также предполагают отсутствие в них позиции грамматического субъекта, значение логического субъекта выражается формами дательного или творительного падежа, как и в безличных предложениях. Лингвисты, с одной стороны, отмечают грамматическое и семантическое сходство инфинитивных и безличных конструкций (Шахматов, 2001; Галкина-Федорук, 2012), с другой стороны, подчеркивают особенности инфинитивных предложений по сравнению с безличными (Пешковский, 2001; Золотова, 1982; Тимофеев, 1950), но несомненным признается значение инфинитивных конструкций, синонимичное «безличным предложениям с модальными безлично-предикативными словами: *нужно, нельзя, необходимо, должно*», при этом отмечается их «большая экспрессивность, лаконичность, напряженность» [Валгина, 2015], то есть ученые единогласны в том, что «инфинитивные предложения выражают разные модальные значения (значения долженствования, неизбежности, невозможности и т. д.)» [Хосои Ко, 2009]. При этом во многих исследованиях отмечается то, что более яркая экспрессивность и лаконичность инфинитивных конструкций приводит к тому, что они чаще используются в разговорной речи [Белошапкина, 1977; Валгина, 2015; Хосои Ко, 2009]:

Двум документам в одном институте не бывать.

Однако хочется отметить активное распространение инфинитивных конструкций именно в официально-деловой речи, в частности, в текстах приказов и распоряжений. Этому способствует, на наш

взгляд, во-первых, значение, сближающее инфинитивные предложения с безличными, то есть значение апелляции к высшим авторитетам, непререкаемости требования, а во-вторых, экспрессивность и лаконичность, отмечаемая исследователями.

Для подготовки и сдачи государственного экзамена выделить студентам всех форм обучения одну неделю и организовать в этот период чтение обзорных лекций и проведение консультаций.

Прием экзаменов на старших курсах по возможности проводить в кафедральных аудиториях и лабораторных помещениях.

Консультации назначать в общеуниверситетских аудиториях 1 и 7 парами.

Таким образом, мы видим, что несколько частотных моделей синтаксических конструкций русского языка имеют дополнительную семантику, связанную со стремлением «затушевать» прямую связь между волей лица – логического субъекта – и действием, им производимым, стремлением указать на наличие дополнительных авторитетных лиц, заинтересованных в действии, или объективных сил, влияющих на него.

В свою очередь, этот факт, на наш взгляд, обусловлен особенностями исторического развития русского народа, специфическим развитием самосознания личности, более характерным для восточного типа общественного сознания: отсутствием представления о самоценности человеческой личности, противопоставления коллективных ценностей личным, отсутствием личной свободы и, соответственно, личной ответственности за совершаемые действия. Как следствие, формируется яркая черта национального менталитета – подсознательное стремление избежать личной ответственности за совершаемые действия и найти дополнительное более авторитетное обоснование и оправдание для них. Недаром конструкции этого типа преобладают в русских текстах официально-делового стиля речи, в которых очевидна тенденция дать представление об объектах деловых взаимоотношений (проблемах, вопросах, решениях, документах и т. п.) как о логических субъектах, действующих самостоятельно, и тем самым «спрятать» за ними волю и целеполагание конкретных лиц.

Список литературы

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
2. *Барамыгина И. Б.* Личные значения безличных предложений / И. Б. Барамыгина. – URL: <http://rus-lang.isu.ru/about/group/baramygina/state1/> (Дата обращения: 4.01.2015).
3. *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. – М., 1977. – 248 с.
4. *Валгина Н. С.* Современный русский язык. Инфинитивные предложения / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. – URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-158.htm>. (дата обращения: 12.01.2015).
5. *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – Изд. 2-е., М., 2012. – 336 с.
6. *Захарова М. В.* Семантика безличных предложений / М. В. Захарова // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. – М., 2004. Диссертации по гуманитарным наукам. – URL: <http://cheloveknauka.com/semantika-bezlichnyh-predlozheniy#ixzz3RpandiUJ>. (Дата обращения: 4.01.2015).
7. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М., 1982. – С.112–114.
8. *Мейендорф И.* От Византии до России: религиозное и культурное наследие / И. Мейендорф // Свидетель истины: памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа. – Сост. А. Левитский. – Екатеринбург : Инф.-изд. Отдел Екатеринбургской епархии, 2003. – 476 с.
9. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд. М., 2001. – 510 с.
10. *Словарь русского языка в четырех томах. Издание второе, испр. и доп.* – М., Издательство «Русский язык», 1982. – Т. 2.

11. Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 632 с.
12. Тимофеев К. А. Инфинитивные предложения в русском языке / К. А. Тимофеев // Автореф. дис. д-ра наук. – Благовещенск, 1951.
13. Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском языке / К. А. Тимофеев // Вопросы синтаксиса современного русского языка. Под. ред. В. В. Виноградова. – М., 1950. – С. 257–301.
14. Хачатурян В. М. История мировых цивилизаций с древнейших времен до конца XX века / В. М. Хачатурян. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Дрофа, 1999. – 512 с.
15. Хосои Ко. Инфинитивные предложения в сопоставлении с безличными в классической прозе XIX и начала XX столетий / Ко Хосои // Автореф. дис. канд. наук. – СПб., 2009.
16. Храповицкий Антоний, митрополит. Чем отличается Православная вера от западных исповеданий? – URL: http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/katolichestvo_protestantizm.htm. (Дата обращения: 14.12.2014).
17. Чистяков В. Б. Ведущие факторы национальной истории / В. Б. Чистяков // Известия МГИУ № 2(3) 2006. – С. 89–90
18. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – 3-е изд. М., 2001. – 624 с.
19. Этнопсихологический словарь / Под ред. В. Г. Крысько. – М.:МПСи. , 1999. – 343 с.